

Анастасия Фелькер

студентка II курса факультета Гуманитарных Технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

ПУШКИНСКИЙ МИФ И ВЕРСИИ ЕГО РАЗВИТИЯ (по сведениям историографии)

Felcker A. Pushkin's Myth and it's Progress Versions (judging by Historiography Data).

The article corresponds an overview of different interpretation of such phenomenon as Pushkin's personal myth. In the course of time Pushkin's figure developed into shaping of an "ethnic outlook" field, perhaps, that is why his place in culture is unique up till now. Around such an outstanding person forms specific personal mythology. As a rule, it happens almost with every celebrated historical character, but still there is no exact definition what is personal myth. In the article is given a survey of historiography of Pushkin's myth (also there is a try to give it's precise definition) and it's comparative analysis. The author draws a conclusion that Pushkin's personal myth and it's interpretation develop under the influence of every historical period's and cultural milieu's features and needs.

Более двухсот лет русская культура живет под «знаком Пушкина». Александр Сергеевич традиционно считается главным русским поэтом, однако с течением времени роль Пушкина в национальном сознании переросла из сугубо литературной области — профессионального изучения поэтических текстов в сферы, относящиеся, скорее, к массовой культуре, к формированию национальной картины мира. Вероятно, именно поэтому, место, занимаемое Пушкиным, по сей день уникально. На фоне вышесказанного кажется вполне естественным, что столь значительная фигура стала объектом сложения всевозможных преданий и мифов, что повлекло за собой формирование специфической пушкинской мифологии¹.

Проблема пушкинского мифа неоднозначно освещена в историографии. До сих пор не сложилось единого мнения, что же собственно следует считать пушкинским мифом. Следовательно, каждый исследователь, описывая или исследуя проблему, касается разных её аспектов, приводит собственную вер-

сию развития мифа вместе с субъективной интерпретацией. Поэтому есть необходимость собрать все взгляды воедино и систематизировать их, именно эту цель преследует предлагаемая статья. При этом весьма полезным представляется проанализировать, вписывается ли пушкинский миф в общие закономерности мифа традиционного, а также проследить трансформацию первого под воздействием меняющихся идеологических доминант. Однако прежде следует дать определение мифу в традиционном понимании и установить его роль в сознании и жизни общества.

Итак, «миф» в традиционном понимании — это либо определённое представление о мире (Токарев, Мелетинский 1991: 14), либо всякое неосознаваемое и коллективное представление, лежащее в основании поведения группы лиц (Пашинина «Основания мифа»). Существует ряд альтернативных взглядов на миф — например, определение А.Ф. Лосева, который рассматривает миф как *чисто субъективный, личностный способ восприятия мира*², или Е. Мелетинского, говорящего о

¹ Некоторые исследователи (напр. Муравьева 1995: 113) считают, что черты мифологизации Пушкина присутствуют во всяком знании о нём.

² Или по Ю.М. Лотману (2001: 526), где миф является феноменом сознания каждого индивида.

мифе как выражении архетипов, изначально заложенных в сознании (по Эрлих 2003: 221-222). Следует обратить внимание и на концепцию А. Меня, для которого миф — это *язык*, на котором древний человек говорил о самом важном для себя (Мень 1971: 420). По Р. Барту, миф являет собой знаковую реальность³ (Азаренко, «Рукоположение» мифом»). Однако ни одним из вышеприведенных определений невозможно полностью описать пушкинский миф, так как последний обладает рядом специфических особенностей, о которых будет сказано ниже.

Мифология является огромным пластом культурного развития человека. В течение ряда исторических этапов мифы выполняли различные функции, будь то способ объяснения окружающего мира или формирование своеобразной опоры в хаосе исторических перемен. Но главной функцией всегда оставалось отражение действительности (Токарев, Мелетинский 1991: 16). Миф, сложившийся в определённую эпоху, отражает её особенности, законы и потребности не менее выразительно, чем элементы материальной культуры. В то же время проявления мифа не ограничиваются каким-либо одним временем и какой-либо одной определённой культурой (Пашинина, «Основания мифа»).

Мифология — явление всеобъемлющее, а значит, её элементы присутствуют в современности, равно как и в архаике. По утверждению Ю. Шатина (2002), несмотря на некоторые отличия современных мифов от архаических, они совпадают «по глубинной структуре». Этим свойством обладает и пушкинский миф: его актуальность не уменьшается с течением времени и оказывает определённое воздействие на восприятие действительности, будучи одним из фрагментов мифа эпохи. Каждый миф либо формируется на фоне реальных исторических событий, либо создается искусственно⁴. Что не менее важно, потребность в мифе сохраняется по сей день.

Как отмечалось выше, существует диапазон определений и восприятий пушкинского мифа. Приведём самые яркие из них с тем, чтобы после предложить свой вариант.

Для начала обратимся к работе, в которой представлен, на наш взгляд, один из наиболее широких и разработанных взгля-

дов на проблему пушкинского мифа и его месте в сознании. Это монография М. Загидуллиной (2001) «Пушкинский миф в конце XX века». В данной работе *пушкинский миф* описывается как совокупность реакций национального масштаба на творчество и личность Александра Сергеевича Пушкина, в основе которых лежит признание его Первым Национальным Поэтом.

В ходе исследования М. Загидулина определила два фактора, обусловивших уникальность места, занимаемого Пушкиным в национальном сознании. При всей их замысловатости, эти факторы весьма условны, специфичны, даже субъективны, они прочно связаны с поэтическими текстами, при этом опираются на факт развития языка и на чрезвычайное, «пророческое» чувство Пушкиным этого процесса.

По М. Загидуллиной (2001), во-первых, Пушкин выступил «пророком» нормы, то есть грядущего развития языка, угадав в дискурсах эпохи жизнеспособные и творческие доминанты.

«Во-вторых, на этапе общенационального оформления язык стремится к клишированию, автоматизму как условию и следствию консолидированной базы, главная функция которой — общенациональная коммуникация. Пушкинские формулы прочно вошли в общенациональный «набор» клишированных форм» (Загидулина 2001).

Кроме первых факторов, названы ещё два:

Третья причина: «закрепление Пушкина в зоне функционирования мифов социокультурного плана связано с процессом персонализации автора «клишированных форм». Феноменальность Пушкина связана с тем, что, войдя в национальное сознание своими текстами, он не был ассимилирован коллективной памятью, а сохранил свое значение «творца» культурной матрицы» (Там же).

Четвертая причина связана уже не столько со сферой языкознания, сколько с «человеческим фактором». Миф о Пушкине порождает легенды и слухи, которые закрепляются в виде особого «вторичного» пушкинского текста — текста о Пушкине (некрологи, стихи, статьи, причем как профессиональные, так и «любительские», воспоминания). Обычно эти легенды и называют «*мифами о поэте*» (курсив мой — А.Ф.). Между тем, как считает М. Загидулина, именно это является манифестацией мифа.

Несомненным преимуществом описываемого труда является стремление автора выявить причину возникновения пушкинского мифа. В результате она приходит к выводу,

³ Р. Барт (1989) утверждает, будто «в действительности все, что угодно, может подвергнуться мифологизации».

⁴ Налицо мифологизирование большинства происходящих событий (то же происходит и с явлениями, которые касаются выдающихся личностей, в том числе, А.С. Пушкина).

что создание последнего было продиктовано настоящей потребностью русского общества обрести свою «национальную идентичность»⁵. Далее автор ставит задачу проявить механизмы и закономерности функционирования мифа. Касаясь того, что в русском варианте мифотворчество связано с персонификацией (главной мифотворческой моделью здесь остается «возведение в святые»), М. Загидулина соотносит пушкинский миф с идеей «искупления национального греха»⁶.

Сквозь всю работу «Пушкинский миф в конце XX века» можно проследить одну из главенствующих идей, к которой сведены большинство приводимых фактов (в том числе и анализ так называемого «пушкинского бума» 1999 года⁷). Это идея о Пушкине-пророке, о Пушкине-«спасителе», вполне созвучная с одним из современных направлений изучения биографии поэта, а именно, восприятием его как спасителя Руси, Русского пророка, Русского Бога, Спасителя славянских и тюркских народов (подробнее об этом см. Лобов В.М. «Пушкин — спаситель Руси»). Схематичное изложение данного подхода представлено в приложении I.

Далее рассмотрим позицию В.И. Новикова, для которого *пушкинская мифология* есть все сказанное и написанное о поэте, и это все «стало частью русской культуры, вросло в нашу жизнь и в наш язык» (22 варианта мифа по Новикову представлены в приложении II).

В работе «Культурный герой нового времени» М. Виролайнен (1995: 336-348) рассматривает *пушкинский миф* как жизненный путь самого Пушкина, на протяжении которого Александру Сергеевичу пришлось пройти через основные ключевые позиции русской культуры, через «четыре столпа русской жизни»: от священника, царя, поэта до народа. К концу жизни он попадает в пятую точку, представляющую собой сумму четырёх функций «выше которой, по-видимому, ничего нет»⁸ (см. по Новикову).

Ярким примером неординарного подхода являются работы Ю. Дружникова, написан-

ные в жанре литературного расследования. В труде под названием «Русские мифы» автор рассматривает *сталинский миф о Пушкине*. Пушкинский миф для Дружникова — часть супермифа, который «уходит корнями в далекое русское прошлое: он (миф — А.Ф.) о превосходстве русских над другими нациями (старший брат) и вытекающей отсюда их мессианской роли в истории, супермиф о России как Третьем Риме» (1995: 18).

Рассмотрев ряд определений пушкинского мифа, нам кажется необходимым несколько дополнить их. Мы пришли к выводу, что наиболее полно отражает данное понятие следующее определение: *Пушкинский миф* — это совокупность восприятий фигуры Пушкина как вместе, так и отдельно взятыми носителями культуры, сложившаяся под воздействием идеологических доминант, характерных для отдельно взятого временного среза. Важной его особенностью является то, что он отражает ценности и потребности своих создателей, и, соответственно, смена ценностных ориентиров означает смену одного (пласта) мифа другим. Чем ярче выражен пушкинский миф, тем выше степень активности мифологического пласта в данную эпоху.

Пушкинский миф в историографии оценивается как *важнейший литературный миф нации* (Загидулина 1999), *один из глобальных культурных мифов России* (Шатин 2002). Некоторые даже склонны рассматривать Пушкина как *элемент космологических представлений* (Ли «Пушкин — наше все»).

Диапазон категорий, в которых мыслили о Пушкине, огромен. Наиболее характерные из них следующие:

- Пушкин — гений, идеал русской культуры;
- Пушкин — связующее звено между прошлым России и её настоящим;
- Пушкин — будущее русской культуры (Луцевич 1999: 35);
- Пушкин — «гарант духовного и физического единства русского народа» (Коновалов «А.С. Пушкин как...»);
- Пушкин — культурный герой новой русской истории (Виролайнен 1995: 348-349). И, наконец,
- «Пушкин — это тот Бог, который нужен России» (Жирсанов 1999: 12).

Варианты развития пушкинского мифа: Кроме изучения непосредственно природы пушкинского мифа, историография пред-

⁵ Автор обращает внимание на то, что пушкинский миф создавался, в первую очередь, **массовым** мифотворческим сознанием, которое, в свою очередь, опережало политически узкие цели государства. Подобный процесс вполне объясним в рамках традиционного мифосложения, где «мифотворческий процесс нельзя ни остановить, ни спровоцировать» (Загидулина 2001).

⁶ Поскольку кровь поэта была пролита невинно и праведно. Для сотворения мифа оказалось важным и то, что Пушкин был убит иностранцем, а также мнение, будто Пушкина затравил Николай I и его приближенные.

⁷ Об этом также см. статью В. Юмова (2002).

⁸ В свете нашего исследования довольно интересно рассмотреть признаки мифа по М. Виролайнен (1995: 332):

1. Миф воплощается в слове;
2. Миф воплощается в материи и действии;
3. Миф зарождается из сокровенных и потаённых первооснов жизни;
4. Миф есть законодательная модель мира.

лагает несколько вариантов его развития во времени. Позиции по этому вопросу можно разделить на две группы.

Представители первой группы (В. Новиков, О. Муравьёва) полагают, что пушкинская мифология строилась естественным образом на протяжении двух веков, фундамент ее закладывал сам поэт «при активном соучастии его друзей, недругов, братьев по музе и литературных противников». То есть отправной точкой считается либо первые шаги на поэтическом поприще⁹ (Муравьёва 1995: 114), либо какой-то момент его биографии (например, В. Коновалов считает, что миф о Пушкине начинает складываться в южный период его творчества).

Остальные исследователи (Ю. Дружников, О. Воздвиженская) придерживаются мнения, что в самой природе пушкинского мифа есть нечто навязанное, искусственное, даже насильственное, потому они склонны относить начало формирования и дальнейшее развитие мифа к советской эпохе со всеми её характерными чертами. Именно этот период является объектом пристального рассмотрения в работах данных авторов.

Суммируя различные версии развития пушкинского мифа и представляя отношение к фигуре Пушкина в различные эпохи (без сведений, приведённых в статье О. Муравьёвой), можно представить общую картину в виде таблицы (см. Табл. 1).

Подводя итоги, необходимо отметить следующее:

Историография предлагает довольно широкий спектр взглядов на проблему пушкинского мифа и его развития во времени. Исследователей, занимающихся этой проблемой, объединяет общий интерес к Пушкину. До сих пор не было предпринято попыток обобщить все мнения с целью анализа.

При всей неоднозначности и разнообразии вариантов определения, большинство

исследователей акцентируют вопрос о совокупности восприятий фигуры Пушкина (и реакций на них) как одну из ключевых функций пушкинского мифа. Обратившись к центральной функции мифа традиционно, нельзя не заметить прямой аналогии. Отсюда можно сделать вывод, что механизмы функционирования и закономерности первого вполне соотносимы с законами традиционного мифа. При этом необходимо подчеркнуть, что пушкинский миф относится нами к категории социокультурных мифов.

Далее следует упомянуть о стремлении каждого исследователя дать оценку феномену пушкинского мифа. Характерны такие определения, как «главный литературный миф нации», «один из глобальных культурных мифов России», «часть супермифа» и т. д. Во всех работах присутствует мнение об огромном значении мифа для сознания нации.

Исходя из схемы развития мифа о Пушкине во времени, можно сделать вывод, что оно происходит под влиянием особенностей и потребностей каждой эпохи, и, как отражение действительности, фиксирует основные ценностные изменения в сознании общества.

В связи с этим можно говорить, что, каждая культурная среда, равно как и различные исторические эпохи, привносит в миф свои черты.

Вследствие этого кажется весьма обоснованным и продуктивным рассмотрение специфики пушкинского мифа в Бессарабии, где смешение представителей различных культур привело к образованию особой среды (Gukin, Manzura, Rabinovich, Tkaciuk 1995: 9-18), которая, вероятно, могла стать основой для формирования собственной мифологии. В подобной гипотезе нам видится одна из перспектив дальнейшего развития темы пушкинского мифа.

⁹ Наиболее полный обзор развития пушкинского мифа во времени, представлен в работе О. Муравьёвой (1995). Данные статьи (сведённые в таблицу мной — А.Ф.) приведены в приложении III.

Табл. 1. Схема развития пушкинского мифа по различным источникам.

Период	Характеристика	Авторство мифов	Источник сведений
Лицей	Начало формирования пушкинского мифа	–	М. Загидуллина
1820-е годы	Истинно русский, национально-самобытный поэт	–	В. Коновалов
	Восторженное поклонение	–	А. Шимановский
1837 год	«Дистиллированный» идеологический юбилей	–	М. Загидуллина
	Создание мифа о Пушкине в полном смысле этого слова	Белинский, Шевырев	В. Коновалов
1830-40-е годы	Перевод Пушкина в «канонизированные» поэты	–	М. Загидуллина
1860-е годы	Пренебрежительное отрицание: «Пушкин – легкомысленный стихоплёт»		А. Шимановский
1890-е годы	Пушкин – синтетическое единение красоты всей русской культуры: «великий мыслитель», «мудрец»	Государственная власть	Л. Луцевич
конец XIX века	«Канонизация» Пушкина достигла размаха, которому трудно подыскать аналогию в отечественной культуре	Интеллигенция активно включилась в пропаганду пушкинского наследия среди простого народа	М. Загидуллина
	«...все уже признают ... гений нашего поэта...»; признаётся право на имя первого русского народного писателя	–	А. Шимановский
1920-40-е годы	Преобразование культурного мифа в идеологический	Благой Д.Д. «Социология творчества Пушкина» (1927)	Ю. Шатин
1937... год	Целенаправленное формирование пушкинского мифа	–	Ю. Дружников
	Сталинский миф о Пушкине; любовь к Пушкину является формой любви к товарищу Сталину	Сталин	Ю. Дружников; О. Воздвиженская

Табл. 1. Продолжение.

1949 год	Пушкин русский, "самый русский", патриот, национальная святыня "целиком наш, советский"	–	Ю. Дружников
Эпоха постмодернизма (начиная со второй половины 50-х годов XX века)	Пушкин – центральный персонаж постмодернистской поэзии и постоянный объект деконструкции: высмеивание литературных штампов, антиромантизм, деромантизация исходного образа	–	Л. Зубова
1987 год	Пушкин – это Духовный Отец, Вера, Истина, Духовная опора	Общественное сознание	См. по М. Загидуллиной
	Настоящее время «тектоническое»; предпосылки для формирования «нового Пушкина»	Ю. Лотман "Пушкин 1999 года. Каким он будет?"	Р. Вейдеманн
Вторая половина XX века	Манипуляции с пушкинскими текстами	–	Л. Зубова
Конец XX - начало XXI вв.	Отход от «сакрального» к «профанному», «братание с Пушкиным»; «пушкинизация» рынка.	–	М. Загидуллина

Приложение II

В.И. Новиков в статье «Двадцать два мифа о Пушкине» (<http://www.visotsky.ru/job/mif3.htm> или «Время и мы», 1999, № 143) представляет двадцать два варианта восприятия Пушкина. Автор замечает, что все они могут быть сгруппированы попарно: почти к каждому легко подбирается миф диаметрально противоположный, антимиф. Таким образом, все они образуют одиннадцать пар:

1. «Пушкин — наше всё».

2. В ответ на гиперболическое «всё» (варианты: «солнце русской поэзии», «начало всех начал» и проч.) не могло не появиться ответное «ничто». Оно прозвучало из уст Андрея Белого в его статье «Брюсов» (1906): «Пушкин самый трудный поэт для понимания» и т.д.

Следующая бинарная оппозиция связана с оценкой интеллектуальных способностей Пушкина.

3. «Умнейший человек России».

4. Ответный миф: «Дурак», или образ Пушкина-идиота, создаваемый анекдотами Даниила Хармса, написанными в 30-е годы XX столетия как иронический отклик на культ Пушкина в официальной советской пропаганде.

Предмет многолетних споров, как среди специалистов, так и среди людей, далеких от литературы, — интимная жизнь Пушкина, его отношения с прекрасным полом. И здесь мнения поляризуются.

5. Донжуан, сексуальный гигант.

6. Однолюб.

Жить в России довольно грустно, и недостаток положительных эмоций мы часто компенсируем за счет литературы. В универсальном по содержанию творчестве Пушкина можно найти немало строк, которые в трудную минуту убеждают нас, что жить все-таки стоит. Отсюда —

7. Оптимист.

8. Пессимист.

Исключительной напряженности был в России всегда исполнен вопрос о вере и неверии, о религиозности и атеизме. Естественно, такая фигура, как Пушкин не могла не подвергнуться анализу и с этой стороны.

Тому доказательство популярный особенно в советской идеологии миф:

9. Атеист. Но простой здравый смысл и совокупность созданных Пушкиным текстов упорно сопротивляются к противоположной крайности:

10. Религиозный поэт.

С предыдущей антиномической парой мифов тесно связано и следующее противопоставление:

11. Пророк, учитель.

12. Поэт *par excellence*, эстет.

13. Под номером тринадцать значится «непарный», сугубо индивидуальный миф о свободном и легком Пушкине — миф Абрама Терца о «Прогулках с Пушкиным», когда последний воспринимается как элемент культурной игры.

14. Пушкин — постмодернист.

Нужно особо отметить, что мифы № 13 и № 14 — сугубо авторские. Еще одна антитеза:

15. Новатор, авангардист.

16. Традиционалист.

В последнее время ослабевает интенсивность споров о политической позиции Пушкина. А ведь когда-то на первом плане была конкуренция мифов:

17. Декабрист, революционер (вариант: демократ).

18. Монархист, консерватор (вариант: аристократ).

Или:

19. Космополит, западник.

20. Патриот, выразитель «русской идеи».

Наконец, мы подошли к главному пункту пушкинской мифологии. Новые поколения русских, услышав о Пушкине в школе, приходя в музей на Набережной Мойки в Петербурге, переживают судьбу Пушкина как судьбу близкого родственника. Это искреннее переживание более полутора веков питает фаталистический миф:

21. Пушкин — жертва обстоятельств, рока. И всегда в противовес ему выдвигается противоположная концепция:

22. Пушкин прожил свою жизнь именно так, как следовало ее прожить.

Приложение III

Данные из статьи О.С. Муравьевой (1995) «Образ Пушкина: исторические метаморфозы», представленные в виде сводной таблицы (составление таблицы – А.Ф.).

Временной период	Соответствующие мифы	Авторство
Детство, первые шаги на поэтическом поприще	Миф о чудо-ребёнке, юном гении, призванном прославить русскую литературу	
1820-е годы	Романтический поэт, изгнанник, всегда влюблён и вдохновлён	
1830-е годы	Достаточно абстрактный образ «знаменитости», признанного гения, прославленного поэта	
	Образ писателя-аристократа, высокомерного барина	Ф.В. Булгарин
1837 год	«Первая любовь» России, «Солнце русской поэзии» (консервативно-официозный миф)	
	Идеолог, пророк, эталон национального характера	Н.В. Гоголь
1855 год	«Пушкин – художник по преимуществу»	П.В. Анненков
	Поэт-аристократ, блестящий, но поверхностный стихотворец (осмеянный образ)	Д.И. Писарев
1850-е годы	Образ-карикатура: «ветхий кумир», «возвышенный кретин»	
1880 год	Попытки русской интеллигенции сплотиться вокруг Пушкина? миф о поэте мудром и терпимом, «учителе»	
1880-90-е годы	Канонизация образа (широкая социальная база): Пушкин – центральная фигура русской культуры, образцовый поэт империи	Государственная власть
	«Друг декабристов»	В.Е. Якушкин
1890-е годы	Эстетический миф о Пушкине: «абсолютный художник»	Символисты
	Пушкин как «тайна всей русской культуры»	Д.С. Мережковский
1917-...	Народный поэт; «наш поэт»	Сложился объективно (в силу глобальных изменений в стране)
1920-40-е годы	Пушкин – культурный символ российского зарубежья; Символ потерянной России	Российские эмигранты
1937 г.	Пушкин участник культурной стройки; эталон добродетели во вкусе эпохи; идеологический миф	Государственная власть
Середина 50-х годов	Новая мифологическая модель; нетривиальные подходы и концепции; «наш» Пушкин меняется на «мой»	Ахмадулина, Кушнер, Самойлов (основа – Цветаева)
60-70-е гг.	Образ многогранного гения: Художник и гражданин	Общественное мнение
80-е годы	Миф о Пушкине – «хорошем человеке»: добрый, весёлый человек, верный товарищ, любящий отец, заботливый муж.	

Литература

- Азаренко С.А. «Рукоположение» мифом http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/texts/sociemy/4/azarenko.html
- Барт Р. 1989. Мифологии // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Сост., общ. ред. и вст. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс <http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-mythologies.htm>
- Вейдеманн Р. Юбилейный Пушкин // <http://www.ruthenia.ru/document/387198.html>
- Виролайнен М.Н. 1995. Культурный герой нового времени // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Академический проект.
- Воздвиженская О. Чей Пушкин? Предисловие к книге Тайные записки А. С. Пушкина 1836-1837. СПб. // <http://www.mipco.com/win/VozdvizhPushkin.html>
- Дружников Ю. 1995. Русские мифы. Нью-Йорк.
- Загидуллина М.В. 2001. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Челяб. гос. ун-т. // <http://pushkin.kulture.ru/content/view/68/77/1/2/>
- Зубова Л. Деконструированный Пушкин <http://www.ruthenia.ru/document/390753.html>
- Кирсанов А. 1999. А.С. Пушкин как зеркало русской души, или 200 лет спустя // Бессарабская весна. Кишинёв. С.11-12.
- Коновалов В.Н. А.С.Пушкин как национальный миф // <http://www.ksu.ru/science/news/pushkin/p22.htm>
- Ли А. Пушкин – наше все (Роль Пушкина в космологических представлениях) <http://www.zvezda.ru/2000/08/18/pushkin.shtml>
- Лобов В.М. Пушкин — спаситель Руси // <http://pushkin.kulture.ru/content/view/36/43/>
- Лосев А.Ф. 1990. Диалектика мифа. М.: Правда // <http://psylib.ukrweb.net/books/losew03/index.htm>
- Логман Ю.М., Успенский Б.А. 2001. Миф — имя — культура // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб. С.525-543.
- Луцевич Л. 1999. Эстетический миф о Пушкине в раннем русском символизме // Бессарабская весна: третья международная научная конференция, посвящённая 198-летию со дня рождения А.С. Пушкина и 177-летию со дня его пребывания в Кишинёве (тезисы докладов). Кишинёв. С.35-36.
- Мень А.В. (Эммануил Светлов). 1971. Магизм и единобожие: религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей. Брюссель.
- Муравьёва О.С. 1995. Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Академический проект. С.113-133.
- Новиков В.И. Двадцать два мифа о Пушкине // <http://www.visotsky.ru/job/mif3.htm>
- Пашинина Д.П. Основания мифа в культуре и миф как основание культуры // http://anthropology.ru/rus/texts/pashinina/misl8_57.html
- Токарев С.А., Мелетинский Е.М. 1991. Мифология // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия. Т. I. С.11-20.
- Чимпой М. 1999. Слово о Пушкине // Бессарабская весна. Кишинёв. С.7-8.
- Шатин Ю. 2002. Исторический нарратив и мифология XX столетия // Критика и семиотика. Вып. 5. С.100-108 <http://www.philology.ru/literature2/shatin-02.htm>
- Шимановский А. Н. 1900. Александр Сергеевич Пушкин (о пребывании его в Кишинёве в связи с предыдущей и последующей жизнью). Кишинёв: Паровая типография Ф. П. Кашевского.
- Эрлих С.А. 2003. История мифа // Россия колдунов. СПб–Кишинёв.
- Юмов В. 2002. М.В. Загидуллина. Пушкинский миф в конце XX века // Знамя, N12 // <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/12/umov.html>
- Gukin V.D., Manzura. I.V., Rabinovich R.A., Tkaciuk M.E. 1995. Nonarcheological theory and problem of cultural heritage // World archeological bulletin. No. 8. P. 9-18.